

Хэ Гу замер, лихорадочно перебирая в уме список соперников и пытаясь угадать, кто из них пылает к нему такой неприязнью. Но не успел он прийти к выводу, как раздался другой голос:

— Государь чтит традиции. Как бы он ни выделял кого-то, правила и порядок отбора фума не будут отменены по его прихоти.

Голос был холодным, и Хэ Гу узнал его мгновенно. Это был Ван Мучуань, второй сын его учителя — министра финансов Ван Тинхэ.

Старый мастер Ван в двадцать три года блестяще сдал экзамены, став «бронзовым призером» — таньхуа — по личному выбору покойного императора. Его слава гремела на всю Поднебесную, и в свое время Хэ-старшему стоило немалых трудов впихнуть сына в частную школу семейства Ван.

Хэ Гу учился там с малых лет и, по собственному выражению, был с «братцем Ваном» в таких отношениях, что они буквально делили одни штаны на двоих. Знали они друг друга как облупленных. И хотя второй молодой господин Ван отличался ледяным нравом и острым языком, вечно осыпая Хэ Гу насмешками, тот никогда не обижался, списывая всё на тяжелый характер друга.

«Вот видишь, — подумал Хэ Гу, — братец Ван всё-таки за меня заступился перед остальными».

Однако в прошлой жизни (хотя Хэ Гу и не помнил точно год) Ван Мучуань занял почетное место во второй группе на государственных экзаменах. И пусть к моменту смерти Хэ Гу тот всё еще прозябал в академии Ханьлинь, наработывая стаж, с его происхождением и талантом блестящее будущее было лишь вопросом времени.

«Какого черта он забыл на этом отборе?! — недоумевал Хэ Гу. — Экзамены сдавать передумал?»

В душе шевельнулось нехорошее предчувствие: после перерождения многие события явно пошли не по сценарию. «Неужели это из-за меня?» — подумал он и, откинув полог, спрыгнул из кареты на землю.

У дворцовых ворот уже собралось человек семь-восемь. Все выглядели прилично, одеты с иголки. Даже те, кто шел сюда не по своей воле, понимали: ударить в грязь лицом нельзя, а уж если расстроить кого из дворцовых вельмож непочтительным видом, можно и вовсе навлечь на себя беду.

Кандидаты были разного возраста, в основном лет восемнадцати-двадцати. Был даже один весьма зрелый муж с легкой бородкой, которому на вид можно было дать все тридцать.

Наследник Хэ с удивлением обнаружил, что он здесь — самый младший.

Его появление тут же приковало к себе все взгляды. То, что императрица запрашивала портрет старшего сына Чангьян-хоу, не было секретом, и многие уже считали его фаворитом, что и вызывало у некоторых глухое недовольство.

Хэ Гу, игнорируя косые взгляды, сразу отыскал в толпе Ван Мучуаня.

Второй молодой господин Ван был по-своему красив, но обладал одним «фатальным» изъяном: в его глазах было слишком много белка. Когда он замирал с бесстрастным лицом, казалось, что он закатывает глаза, выражая всем окружающим крайнее презрение. А учитывая его

немногословность, за ним быстро закрепились слава заносчивого гордеца, не видящего никого под своими ногами.

Реплика Ван Мучуаня в сочетании с его фирменным взглядом «дохлой рыбы» предсказуемо привела в ярость того самого щеголя, что поносил Хэ Гу.

— Что ты хочешь этим сказать?! — выкрикнул тот.

Лицо у парня было широким, черты — вполне заурядными, но он вырядился в ослепительно белый шелковый наряд, который совершенно ему не шел. Ирония судьбы заключалась в том, что Ван Мучуань сегодня тоже был в белом.

Как говорится, «одинаковая одежда не страшна — страшно, когда один из двоих урод».

Ван Мучуань в своем белоснежном одеянии выглядел как благородный небожитель — статный, холодный, изысканный. Стоило им оказаться рядом, как его оппонент на контрасте стал походить на безвкусного выскочку-богача, чье чувство прекрасного вызывает лишь слезы. На фоне такого «невзрачного листка» даже глаза-рыбины Ван Мучуаня стали казаться не раздражающими, а исполненными ледяного величия.

Ван Мучуань без всяких эмоций посмотрел на него и ровным тоном произнес:

— Ровным счетом ничего. Государь не станет попирать закон ради личных симпатий. Не стоит мерить безграничную мудрость Сына Неба своей собственной ограниченностью.

Возразить на это было невозможно. Ван Мучуань восхвалял Императора, а это называлось не подхалимством, а «трепетом перед монаршей добродетелью». Попробуй скажи обратное — и тебя запишут в мятежники.

Юноша то краснел, то бледнел. Он бросил злой взгляд на Хэ Гу, который не сдержался и прыснул со смеху, а затем, одарив такой же миной Ван Мучуаня, отвернулся и замолчал.

Хэ Гу же смеялся не над посрамленным щеголем, а над другом. Другие могли подумать, что Ван Мучуань — беспринципный льстец, но Хэ Гу знал: этот сухарь говорит абсолютно искренне.

— Братец Ван, — подошел он, — и ты здесь?

Ван Мучуань перевел на него свой специфический взгляд и холодно бросил:

— Если тебе можно, то почему мне нельзя?

Хэ Гу, привыкший к таким уколам, не обиделся:

— А учитель знает? Чьими стараниями твой гороскоп и портрет оказались во дворце?

Вряд ли это сделал старый мастер Ван. Неужели и у Мучуаня завелась мачеха-интриганка? Но учитель всю жизнь любил одну лишь супругу и наложниц не держал.

— Я сам так решил, — отчеканил Ван Мучуань.

— Что?! — Хэ Гу вытаращил глаза.

— Мне уже исполнилось двадцать, — продолжал Ван. — Я не желторотый юнец, как некоторые.

Я сам пожелал взять принцессу в жены, и посредники мне не нужны.

Хэ Гу:

— ...

«Ну, мне теперь точно надо побеждать, — подумал он. — Хотя бы ради учителя. Если я проиграю, а братец Ван победит, старик Ван же просто сознание потеряет от гнева, узнав, что сын променял карьеру на роль фума!»

В это время пожилой евнух с добрым лицом пересчитал присутствующих:

— Господа, не хватает еще троих. Если они не явятся до полудня, я введу вас во дворец без них.

— Я — распорядитель Палаты внутренних дел У Дэуай. По велению свыше сегодня мы проводим отбор мужа для Старшей принцессы. Испытание состоит из трех частей: беседа перед тронном, литературный экзамен и воинское состязание.

— Государь и императрица души не чают в принцессе, так что сегодня они лично оценят вас. От того, как вы себя проявите, зависит ваша дальнейшая судьба. Не упустите шанс.

Евнух У взглянул на солнце:

— Полдень настал. Его Величество считает, что брак должен быть делом добровольным. Раз те трое не явились — значит, они отказались. Если кто-то из вас прямо сейчас передумал — можете уйти, кары не последует.

«Государь и впрямь сама доброта», — подумал Хэ Гу. Обычно монархи выдавали дочерей за тех, кто приглянулся им самим, не спрашивая согласия женихов, а тут — разрешают уйти без последствий. Это было в новинку.

Несколько юношей в толпе заметно замялись, на их лицах отразилась мучительная борьба. Хэ Гу это взбесило: «Я тут из кожи вон лезу, чтобы её получить, а эти еще ломаются! Такая женщина, как принцесса — это небесный лотос, а достанься она кому-то из этих... это ж навозная куча получится. И они еще корчат из себя обиженных!»

Тем временем во внутренних покоях.

В просторном зале расставили более десяти столов. Две юные служанки раскладывали письменные принадлежности.

— Слышала? — шепнула одна. — Сегодня на отбор пришла старшая служанка Ланьшу, что при Ее Высочестве. Неужели принцесса тоже будет смотреть?

Вторая служанка опасливо огляделась:

— Наверное, пришла поддержать императрицу. Прошлой ночью я дежурила с матушкой Ли, так Ее Величеству снова стало плохо. Всю ночь звала принцессу по имени... Матушка Ли сама ходила в павильон Цинъюй просить Ее Высочество прийти. Только когда принцесса пришла, хозяйка успокоилась.

— Что? — первая служанка в ужасе прикрыла рот ладонью. — Но ведь хозяйка уже полгода как не...

Договорить она не успела: слышались шаги. Девушки мигом замолчали, уткнувшись в столы. Вошла нянюшка Ли, доверенное лицо императрицы.

— Цинчжу, Дайчжу, как успехи?

— Всё готово, госпожа Ли, — присела в поклоне одна из них.

— Хорошо. Скоро придут кандидаты, уходите и не мешайте господам.

Вскоре евнух У ввел юношей в зал.

— Ожидайте прибытия Их Величеств.

Хэ Гу окинул взглядом столы. «Странно всё это», — подумал он. Раньше при выборе фума смотрели только на знатность рода и внешность. Знатность — чтобы принцессе не было скучно с простолюдином, внешность — чтобы глаз радовался. Позже, чтобы не допустить усиления «внешней родни», фума запретили занимать должности, и богатые дома перестали отдавать сыновей в зятя императору. Оставались лишь те, кому нечего терять, или те, кто соблазнился богатым приданым.

Но сегодняшний отбор был чересчур сложным. И словесность, и боевые искусства, и беседа... Государь так строг — не боится ли он, что в итоге никого не останется?

Размышления прервал зычный голос евнуха:

— Его Величество! Ее Величество! Ее Высочество Старшая принцесса прибыли!

Хэ Гу вместе со всеми пал ниц.

Император и императрица заняли свои места на возвышении. Перед небольшим столиком принцессы была натянута жемчужная завеса. Хэ Гу не мог разглядеть её лица, лишь смутный силуэт за переливающейся преградой. Но даже этот силуэт казался ему прекраснейшей картиной на свете.

«Наконец-то этот день настал», — подумал он. Сердце колотилось. Глядя на тень за завесой, он не удержался и мысленно прошептал её имя:

«Сестрица Юй... подожди немного, я скоро тебя заберу».

<http://bllate.org/book/15879/1615947>